

На правах рукописи

Орлова Елена Александровна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «КАЛМЫЦКОГО» ТЕКСТА
В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)**

5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2023

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания,
русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

Научный руководитель: **Жаравина Лариса Владимировна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Завьялова Елена Евгеньевна,**
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет имени В.Н. Татищева»

Уздеева Татьяна Магомедовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
литературы и методики ее преподавания ФГБОУ
ВО «Чеченский государственный педагогический
университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
г.Нальчик

Защита состоится 20 октября 2023 года в 13.00 на заседании диссертационного совета 24.2.267.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: <http://www.adynet.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2023 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено проблеме функционирования «калмыцкого» текста в пространстве российской культуры. Начальный этап его формирования (вторая половина XVIII – первые десятилетия XIX века) – это образ Калмыкии, репрезентированный русскоязычными авторами в материалах научных экспедиций, заметках путешественников, памятниках деловой письменности, т. е. в литературе *non fiction* с последующим художественным обобщением в произведениях А.С. Пушкина, О.И. Сенковского, И.И. Лажечникова, Е.А. Ган и др. В конце 1820-х–1830-е годы благодаря общим усилиям «калмыцкий» текст вошел в контекст русской словесности в качестве самобытного и уникального феномена.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, непреходящей значимостью русско-калмыцких литературных связей в общероссийском художественном процессе; во-вторых, плодотворностью осмысления инационального компонента в российской словесности в аспекте современных концепций кросс-культурных коммуникаций; в-третьих, целесообразностью рассмотрения инациональной картины мира с опорой на постулаты этнопоэтики как комплексного динамически развивающегося направления современной научной мысли.

Объект изучения – калмыцкий компонент в пространстве русской словесности второй половины XVIII – первых десятилетий XIX века и его рецепция как форма художественно-эстетического освоения инациональной действительности в аспекте межкультурного диалога.

Предмет исследования – формы и принципы функционирования «калмыцкого» текста: от элементов беллетристики в научно-этнографическом дискурсе до формирования полноценного художественного нарратива.

Цель работы – характеристика эстетического и этнокультурного потенциала «калмыцкого» текста как целостного феномена в пространстве русской словесности второй половины XVIII – первых десятилетий XIX века.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- выявить художественные ресурсы калмыцкого этнографического дискурса и охарактеризовать процесс беллетризации научной дескрипции, предваряющий формирование литературно-художественного нарратива;
- рассмотреть начальные этапы становления «калмыцкого» текста в аспекте **истории понятий**; обосновать специфику русско-калмыцких образных эквивалентов в связи с основными представлениями имагологии: этностереотип, национальный менталитет, психотип и т. п.;
- доказать, опираясь на комплексные междисциплинарные исследования, целесообразность применения к «калмыцкому» тексту принципов пространственного (спатимального) анализа;
- раскрыть значение калмыцкой темы в процессе формирования исторического жанра (И.И. Лажечников), этноромантического направления в русской словесности (Е.А. Ган) и этнографической беллетристики.

Базовая гипотеза исследования. Лежащий в основе современной компаративистики диалог культур ориентирован на изучение различных форм вербальной и невербальной манифестации. Во второй половине XVIII века Калмыкия, как и другие регионы Российской империи, стала объектом интенсивного этнографического изучения. Обширный научно-документальный материал косвенно или непосредственно получил художественное осмысление в искусстве первых десятилетий XIX столетия. В итоге к концу 1820-х–1830-е годы «калмыцкий» текст вошел в общероссийский контекст в качестве одной из составляющих. Его особенность заключалась в том, что, обладая ярко выраженной национальной

уникальностью, он функционировал в общероссийском геополитическом и культурном измерениях.

Калмыцкие образы и мотивы, изначально воспринимаемые в плане этнографической экзотики, в качестве полновесного сюжетобразующего начала получили реализацию в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» и романтической повести Е.А. Ган «Утбалла». Без произведений этих авторов, по существующему стереотипу относимых, к сожалению, к литературе «второго ряда», невозможно представить полноценную картину художественного процесса первых десятилетий XIX века.

Степень разработанности проблемы. На сегодняшний день основное внимание уделяется проблемам русско-калмыцких коммуникативных связей в самом широком смысле слова. Литературно-художественные взаимоотношения, будучи их неотъемлемой частью, так или иначе затрагиваются в исследованиях (отметим обобщающие работы двух последних десятилетий), посвященных историческому прошлому Калмыкии (Басхаев А.Н., 2007; Кольцова К.П., 2022; Эрдниев У.Э., Максимов К.Н., 2009); своеобразию традиционной культуры (Бакаева Э.П., 2008, 2009; Батмаев М.М., 2009; Батырова С.Г., 2003; Батыров В.В., 2014; Ользеева С.З., 2017; Шараева Т.И., 2011); фольклорному наследию, в том числе типологическим схождениям в русском и калмыцком фольклоре (Басаев Д.Э., 2004; Биткеев Н.Ц., 1997; Борджанова (Басангова) Т.Г., 2007, 2009; Оконов Б.Б., 1980; Сарангов В.Т., 1998); национальной ономастике и этнокультурной концептологии (Есенова Т.С., 2012; Монраев М.У., 2012; Церенова Ж.Н., 2005). В большинстве случаев выявление элементов межнационального диалога обосновывается наличием так называемых общих мест (*loci communes*), символизирующих универсалии духовно-исторического плана и не отменяющих национальной идентичности культур.

Однако в области изучения собственно литературных контактов положение, как нам представляется, несколько иное. Разумеется, центральное место в литературоведении занимала и занимает пушкинская

тема, которой посвящен не один десяток статей в российской научной периодике. Первым образцом монографического обобщения является выдержавшая несколько переизданий книга А.И. Суржок «Пушкин и калмыки» (1975, 1981, 1991), предназначенная для широкой читательской аудитории. В наши дни новый уровень научного осмысления реализован в работах Б.А. Кичиковой, достаточно адекватно демонстрирующих достижения калмыцкого пушкиноведения. Это серия статей, обобщенных в монографии «Калмыки в мире Пушкина (историко-литературный анализ и комментарий к текстам начала 1820-х–1836 гг.)» (2016).

Большой материал в аспекте взаимной репрезентации калмыцкого и русского элементов дает творчество писателей XX века. В стенах Московского педагогического государственного университета была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук А.А. Логаевой «Русско-калмыцкие литературные связи» (2006), в которой «формы литературного взаимодействия» рассмотрены путем проекции «идейно-художественного опыта» Пушкина на поэзию Д.Н. Кугультинова¹. Роль М. Горького, С. Есенина, В. Хлебникова, Вс. Иванова и других аналитически осмыслена в работах Р.М. Ханиновой (2004, 2018). Тема Великой Отечественной войны и трагических событий в истории калмыцкого народа, отразившихся в калмыцкой и, частично, русской литературах, стала объектом изучения Н.Ц. Манджиева (2005).

Как видно, диапазон исследовательских пристрастий одновременно широк и ограничен, поскольку в хронологическом пространстве от Пушкина до наших дней явно недостаточно внимания уделяется как допушкинской словесности, так и творчеству так называемых второстепенных авторов, активно участвовавших в историко-литературном процессе пушкинского времени. Наше диссертационное исследование ориентировано на восполнение данного пробела.

¹ Логаева А.А. Русско-калмыцкие литературные связи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2006. – С. 4.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые воспроизведен процесс формирования инонационального («калмыцкого») текста в отечественной словесности в связи с беллетризацией научно-информационного нарратива, а также реализован метод пространственного (спатиального) анализа в свете этнопоэтики.

Материалом анализа стали произведения русских писателей на калмыцкую тему, а также труды этнографов, путевые очерки, документальные свидетельства, прямо или косвенно вводящие инонациональную реальность в российский художественный контекст.

Теоретической базой послужили классические работы в области сравнительно-сопоставительного литературоведения (Алексеев М.П., 1983; Арутюнов С.Л., 1989; Дюришин Д., 1979; Жирмунский В.М., 1979; Конрад Н.И., 1966; Неупокоева И.Г., 1976); исторической поэтики и этнопоэтики (Веселовский А.Н., 1989; Захаров В.Н., 1994, 1998; Зырянов О.В., 2014, 2018); исследования, посвященные проблеме национального своеобразия отдельных литератур (Бурсов Б.И., 1967; Гачев Г.Д., 1998, 1999; Лихачев Д.С., 1981; Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П., 1976); теории художественного дискурса (Бычков В.В., 2004; Тамарченко Н.Д., 2004; Тюпа В.И., 1997, 2001; Чернец Л.В., 1995); проблемам рецепции и рецептивной эстетике (Бахтин М.М., 1979; Борев Ю.Б., 2002; Выготский Л.С., 1968; Эко У., 2004), а также понятиям «локальный» и «инонациональный» тексты русской культуры (Абашев В.В., 2000; Багратион-Мухранелли И.Л., 2016, 2018; Бреева Т.Н., Пиксанов Н.К., 1928; Сарбаш Л.Н., 2013; Топоров В.Н., 2003; Шафранская Э.Ф., 2010, 2016). Основополагающей явилась концепция диалогизма (диалога культур) М.М. Бахтина (1975, 1986).

Более того, филологическая наука всегда стремилась к интеграции с другими областями научного знания. В этом отношении показателен интерес к гуманитарной (имагинальной) географии, или антропогеографии. Своими трудами основоположники данного направления (Замятин Д.Н., 2000, 2006, 2010, 2011, 2013, 2015 и др.; Митин И.И., 2004, 2008 и др.) положили начало

аналогичным междисциплинарным исследованиям, ставшим концептуальными в нашей работе. Для носителей русского языка и культуры инонациональный мир (калмыцкий, кавказский, среднеазиатский и т. п.) является своеобразным пространством в пространстве. Его особенность заключается в том, что он, обладая ярко выраженной национальной уникальностью, одновременно существует в определенных границах и вписывается в общероссийский геополитический и культурный контекст.

Методология и методы исследования. В исследовании используется метод традиционного историко-литературного анализа, который дает возможность охарактеризовать становление «калмыцкого» текста на разных этапах его эволюции. Определяющее значение имеют сравнительно-сопоставительная методология (компаративизм), нацеленная на выявление генетических и типологических связей, характеризующих инонациональную специфику материала; системный подход, представляющий художественный текст как структурно-образную целостность, а также биографический метод, объясняющий калмыцкие интересы писателя фактами его биографии. В процессе анализа художественного материала частично реализованы установки рецептивной эстетики и методология пространственного (спатального) анализа, предполагающая выделение в литературном тексте геоизмерений, наделенных художественным статусом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Художественное воспроизведение калмыцкой действительности в русской словесности – сложный и разноплановый процесс. В рассматриваемый период (вторая половина XVIII – первые десятилетия XIX вв.) проявилось единство научного знания и художественной интенции, в разной степени отразившееся в этнографических исследованиях И.Г. Георги, П.С. Палласа, И.И. Лепёхина, Н.А. Нефедьева, А.М. Павлова, Н.И. Страхова и др. Выделение в исследовательской дескрипции таких черт, как визуализация, сюжетность, драматизация повествования, образности, стилистическая выразительность и др., позволяют говорить о беллетризации

научного дискурса как первооснове полновесного художественного «калмыцкого» текста в русской словесности.

2. Выходу на новый уровень в процессе изучения «калмыцкого» текста содействует комплексный подход в аспекте междисциплинарных связей. Принципиальное значение имеет обращение к понятиям гуманитарной географии (антропогеографии) и ориентация на постулаты пространственного (спатального) анализа с опорой на категориальный аппарат геоэтики: геоэстетика, геотопология, гений места и т. п. Включение «калмыцкой Монголии» (Е. Ган) в общероссийское культурное пространство позволило художественно репрезентировать образ калмыка как образ *другого*, который при всем своем религиозно-бытовом своеобразии был *своим* по базовым ценностным приоритетам.

3. В творчестве А.С. Пушкина нашли отражение калмыцкие образы и мотивы, позднее закрепившиеся в универсальной формуле «друг степей калмык». Однако достаточно адекватно этнокультурный потенциал инонационального материала реализовался в творчестве писателей так называемого второго ряда. В историческом романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» скандальная свадьба шутихи-калмычки Акулины Саввишны Подачкиной (прототип Авдотья Буженинова) воспроизведена на фоне «разноплеменного» маскарада с участием представителей «степного народа», олицетворяющих, наряду с другими инородцами, этническое многообразие Российской империи. Традиции романиста были восприняты и частично переосмыслены в русском искусстве XIX и XX вв. (роман В.С. Пикуля «Слово и дело», повесть Ю.М. Нагибина «Квасник и Буженинова», живописные полотна В.И. Якоби).

4. Материал повести Е.А. Ган «Утбалла» дает возможность обосновать понятие «этноромантизм», выводящее категории эстетики романтизма в сферу инонациональной реальности. На фоне достоверного изображения жизненных устоев калмыцкого улуса показана трагическая судьба девушки-полукровки, чьи характерологические и поведенческие

проявления могут быть истолкованы в аспекте имагологии. В жанровом отношении повесть Е.А. Ган вписывается в контекст «светского» повествования и опосредованно проецируется на пушкинскую традицию. Пушкинский «ключ» дает возможность осмыслить природу художественной образности в аспекте полиэтнической направленности российской словесности в целом. Есть все основания считать повесть «Утбалла» в высшей степени удачной попыткой создания инациональной картины в рамках русского мира.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема, проблематика, цели и задачи, а также положения, выносимые на защиту, реализованные в полном объеме в диссертации, соответствуют паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации по следующим направлениям: 2. История русской литературы XVIII века; 3. История русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы); 15. Взаимобусловленность различных видов литературного творчества: письма, дневники, записные книжки, записи устных рассказов и т. п.; 16. Русские эго-документы в их историческом развитии и взаимодействии с художественной литературой; 17. Многообразие связей художественной литературы с сочинениями историков и философской мыслью; 21. Методология изучения историко-литературного процесса; 23. Связи русской литературы с литературами народов России; 26. Взаимодействие литературы с другими видами искусства.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в уточнении смыслового объема понятия «калмыцкий» текст на разных этапах его эволюции; в дифференциации различных форм инационального нарратива в аспекте этнопоэтики; в установлении связей русской и калмыцкой культур в свете соотношения *свой / другой*.

Практическая ценность работы заключается в том, что её материалы могут быть использованы в процессе чтения курсов по истории русской

литературы и литератур народов Российской Федерации в общеобразовательных учреждениях различного типа и уровня.

Апробация основных положений и результатов исследования.

Основные положения и результаты научного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова». Материалы исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях различного уровня: на III Международной научно-практической конференции «Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве» (Элиста, 7–9 октября 2011 г.); I Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Проблемы межлитературного взаимодействия» (памяти профессора М.Г. Михайловой) (Якутск, 19–24 марта 2012 г.); Всероссийской научной конференции «Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин» (Элиста, 10–14 апреля 2012 г.); Международной научно-практической конференции «Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы» (Ставрополь, 18–19 мая 2012 г.); VI Международной научно-методической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в международной коммуникации XXI века» (Пятигорск, 11–12 апреля 2013 г.); Всероссийской с международным участием очно-заочной научно-практической конференции «Диалог культур: национальное и инациональное в литературе» (Элиста, 15 апреля 2013 г.); Международной научно-практической конференции «XVII Виноградовские чтения» (Ташкент – Екатеринбург, 21 мая 2021 г.); Международной научной конференции «Высокие технологии и инновации в науке» (Санкт-Петербург, 27 сентября 2021 г.); Девятой Международной научной конференции «Восток – Запад: поэтика реального и фантастического пространства в литературе и фольклоре» (Волгоград, 15–16 ноября 2021 г.); Международной заочной научно-практической конференции «Искусство слова в диалоге культур. Проблемы рецепции» (Брест, 10 марта 2022 г.);

Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Изучение региональной литературы в историко-культурном и методическом аспектах» (Волгоград, 15–16 ноября 2022 г.); Международной научно-практической конференции «Славянские чтения – 11», посвящённой 25-летию Славянского университета в Республике Молдова (Кишинев, 17–18 ноября 2022 г.).

По теме исследования опубликованы научные работы, в том числе 4 статьи в научных журналах и изданиях, включенных в Перечень, рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, обозначаются его предмет и объект, формулируются цель, задачи и положения, выносимые на защиту, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, достоверность полученных результатов.

В первой главе «Теоретико-методологические проблемы изучения “калмыцкого” текста» рассматриваются вопросы общего характера, в том числе дискуссионные, ориентированные на комплексное раскрытие заявленной темы. Целью **параграфа 1.1. «Этнопоэтика “калмыцкого” текста в аспекте истории понятий»** является осмысление культурно-исторических феноменов в свете дефиниций, получивших широкое распространение в наши дни: «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода» (2012), «Эволюция понятий в свете истории русской культуры» (2012) и др.

«Калмыцкая Монголия», будучи объектом хозяйственно-экономического и культурного освоения, уподоблялась другим российским регионам, населенным инородцами и иноверцами. Поэтому, на наш взгляд, вполне приемлемым в аспекте нашей темы является подход к калмыцкому

материалу как к локальному тексту (понятие, сформировавшееся в рамках локальной истории). В свою очередь, художественно-эстетический потенциал «калмыцкого» текста как локального включает в себя геополитическое измерение, которое целесообразно рассматривать в категориях региональной культуры. В конце XVIII века Калмыкия получила официальное название Калмыцкой степи Астраханской губернии, а в Ставрополе калмыцкие «старшины», особенно крещенные, как «порядком жития, так и обхождением от Русских не разнятся»².

В диссертационном исследовании охарактеризованы наиболее значимые вехи в процессе превращения локального (регионального) «калмыцкого» текста в общероссийский. В трудах И.Г. Георги и П.С. Палласа калмыки имеют статус референтного народа как отправной точки для характеристики ногайцев, тунгусов, буреттов (бурят). Н.А. Нефедьев подошел к жителям степи как к представителям кочевого этноса, «с давнего времени обитающего в пределах России, но во многих отношениях столь мало известного»³. Для Н.В. Гоголя, ориентировавшегося на труд Н.А. Нефедьева в процессе написания очерка «Калмыки», калмыцкий элемент сыграл определенную роль в формировании представлений писателя о развитии европейской цивилизации.

Благодаря А.С. Пушкину, калмыцкая тема становится популярной в творчестве авторов 1820-х–1830-х годов, в том числе региональных. Так, в столичном журнале «Отечественные записки» неоднократно печатаются произведения оренбургского офицера, гарнизонного аудитора П.М. Кудряшёва. Стало известно и о судьбе уникального калмыцкого художника Федора Калмыка, заброшенного по воле судьбы в немецкий Карлсруэ. «Монгольский (имеется в виду калмыцкий – *Е.О.*) романтизм

²[Лепёхин И.И.] Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям российского государства в 1768 и 1769 году. – СПб.: Имп. Акад. Наук, 1771. – С. 226.

³[Нефедьев Н.А.] Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. – СПб.: тип. К. Крайя, 1834. – С. 12.

теперь в большой моде в Париже», – отмечал О.И. Сенковский, автор «буддийской» повести «Похождения одной ревижской души» (1834)⁴.

Единство научного знания и художественной интенции проявилось в деятельности Н.И. Надеждина, литературного критика, этнографа, географа, статистика, журналиста. Его методология изучения национального (народного) типа и сегодня применима к исследованию инационального, в том числе калмыцкого, компонента российского полиэтноса.

Закономерно, что в этнопоэтических исследованиях на первый план выдвигается категория «образ», которой обязана имагология как дисциплина об изображении *чужого* (или *другого*). Об этом идет речь в **параграфе 1.2. «Имагологический аспект изучения русско-калмыцких литературных связей»**.

Отмечая, что научная лаборатория этнографа, создающего галерею персонифицированных этнотипов, имеет точки соприкосновения с лабораторией писателя, мы, исходя из работы А.Н. Веселовского «Из истории эпитета», сближаем этностереотипные представления с постоянными эпитетами как примерами «окаменевшего» содержания. В нашем случае это ассоциации, восходящие к истории Российского государства, природе и кочевому быту (воинственность, бескрайняя степь, тюльпаны и лотосы, кибитка, кумыс, белый чай, белая дорога и т. п.).

Помимо монголоидного «лицечертия»⁵, предполагающего особый способ оформления внешности, этнографы, подчеркивая своеобразие одежды кочевника, рассматривали ее в социально-коммуникативном аспекте. И.И. Лепёхина, например, поразил тот факт, что среди калмыков не видно было ни одного, кто «бы носил лапти, как Мордва, Чуваши и Татары, но все имеют сапоги»⁶. В свою очередь, головной убор с красной кистью (улан зала) в

⁴ Сенковский О.И. Сочинения Барона Брамбеуса. – М.: Совет. Россия, 1989. – С. 334.

⁵ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. Ч. 4. – СПб.: Имп. Акад. Наук, 1799. – С. 30.

⁶ Лепёхин И.И. Указ. соч. – С. 219.

контексте спора западников и славянофилов о национальном имидже многократно усиливает свою знаковую роль.

Имагология исходит из узкого и широкого толкований понятий «образ» и «этнообраз». Во втором случае, помимо конкретики, имеются в виду отвлеченные понятия: дух народа, дух нации, национальная субстанция, субстанция народной жизни, народная физиономия и т. п. В данном аспекте как русско-калмыцкий концепт в диссертационном исследовании рассматриваются стереотипы *Волга-матушка*, *Волга – русская река*, *кормилица русского народа*, *мать родная* и т. п.

Оппозиция *свой / чужой*, считающаяся универсальной константой, подверглась на российской почве существенной коррекции. Человек степи был для жителя лесной и равнинной России «другим», внешне не похожим, но по-соседски близким и понятным. В «лице калмыков» Россия имела «оберегателей наших пределов»⁷.

В параграфе 1.3. «Художественное геопространство “калмыцкого” текста» в аспекте темы исследования доказывается целесообразность пространственного (спатимального) анализа, получившего широкую популярность в наше время.

Геополитически и исторически Калмыкия позиционировала себя вполне определенно. Степной топос соотносился с равнинной Россией в ракурсе исторического величия, напоминал и о походе монголов, и о калмыцком «вкладе» в войну с Наполеоном. Понятие *путь-дорога* в равной степени определяло жизненный путь калмыка-кочевника и русского странника. Степь – ключевой геокультурный символ Калмыкии, будучи, подобно Волге, русско-калмыцким концептом, формирует общероссийский художественный метатекст. Целесообразно говорить и об общем некротическом содержании пространственных ограничений, так называемом

⁷ Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства, часть 3. – М.: Университетская тип., 1804. – 153 стб.

минус-пространстве. Тюрьма, бесправие, пребывание в местах заключения – трагическая тема русской и калмыцкой литератур.

Проекция принципов спатального анализа на калмыцкий эпизод очерка «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина позволяет выявить органическое единство этнографического (локального) документализма с поэтическими обобщениями широкого плана. К калмыцкой степи, хранящей воспоминание о нечаянной встрече поэта и калмыцкой девушки, безусловно, применимо понятие **гений места**, а сам локус прочитывается как ландшафтный палимпсест.

Во второй главе «Художественный потенциал “калмыцкого” текста второй половины XVIII – первых десятилетий XIX века» охарактеризованы основные вехи на пути эстетического осмысления материала. Первый этап связан с нарративными принципами литературы *non-fiction*, о чем говорится в параграфе **2.1. «Беллетризация этнографического дискурса: принципы и приемы»**.

Раскрывая способность литературы *non-fiction* развернуться в потенциально художественное повествование, мы выделяем феномен визуализации. Достаточно указать на иллюстрированное периодическое издание (под патронажем И.Г. Георги) «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской Империи обретающихся» (1774–1776), а также на иллюстрации «полевых» наблюдений в сочинениях П.С. Палласа, И.И. Лепёхина, Н.А. Нефедьева и др. Ученый-этнограф часто выделял красочные детали в инонациональной повседневности, направленные на удовлетворение читательского любопытства. Так, Н.А. Нефедьев описывает хлопоты калмыцкого зайсанга вокруг самовара («премудренного сосуда»). А.М. Павлов, в свою очередь, воспроизводит колоритные картины скачек.

О. Иакинф (Н.Я. Бичурин) в сочинении «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (1834) активно использует прием нагнетания (аккумуляции) событий. Возможно, поэтому

А.С. Пушкин не мог не усмотреть параллелизма между воссозданием стихии калмыцкого откочевья и мощью пугачевского бунта.

Подобные «крупницы» художественности, разбросанные в различных источниках, давали в совокупности красочное представление о своеобразии инонационального менталитета и быта.

В параграфе 2.2. «Этнограф-сатирик: “двойное зрение” Н.И. Стрхова» анализируется трактат «Нынешнее состояние калмыцкого народа <...>» (1810), принадлежащий популярному сатирику, предшественнику Н.В. Гоголя. В 1802 году Н.И. Стрхов получил назначение на должность Главного Пристава Калмыкии, и хотя его попечительство трудно назвать успешным, изданный труд, как мы доказываем, занимает достойное, хотя и недостаточно оцененное место в российской словесности.

Под «двойным зрением» имеется в виду двойственность позиции: с одной стороны, искреннее желание адекватно понять привычки инородцев, с другой – невозможность отойти от канонов сатирического письма. В пропитанных иронией и сарказмом сочинениях о петербургском обществе истина выступала «в платье наыворот», аналогичным образом Стрхов описывал некоторые стороны калмыцкой действительности. Так, обличая низкопоклонство высшего света перед Европой, сатирик писал о «земле Подражательности», где людей переделывают в обезьян. И калмыцкий народ, по его мнению, «простоту собственных своих нравов потерял, а из занятых ничего хорошего не перенял»⁸.

Читателю предлагался не академический трактат, но повествование, исполненное драматизма и живописности. Вставала трагедия поистине шекспировского масштаба, когда он узнавал, что «ежели из двух чьих жен одна убивала другую», мужу необходимо было «отрезать убившей только ухо» или заплатить родственникам убитой определенное «взыскание»⁹.

⁸ Стрхов Н.И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни. – СПб.: тип. Шнора, 1810. – С. 31.

⁹ Там же. – С. 52.

Важно отметить и такой факт: в России вплоть до Вл. Соловьева представления о калмыцком изводе буддизма (ламаизме) были поверхностны и сводились в лучшем случае к идее реинкарнации. Страхов же подчеркнул соответствие «десяти правил» буддийской веры десяти заповедям Евангелия, чем значительно облегчал процесс приобщения православных россиян к религиозным ценностям Востока.

Таким образом, мы считаем, что роль Н.И. Страбова в становлении «калмыцкого» текста как составной части инонационального гипертекста отечественной словесности должна быть оценена по достоинству.

Об одной из первых попыток введения калмыцкого материала в художественный контекст говорится в **параграфе 2.3. «Образ калмычки в романе И.И. Лажечникова “Ледяной дом” и шутовская тема в беллетристике и исторической живописи XIX – XX вв.»**.

Сюжетное ядро повествования составляет «ледяная» свадьба – одно из самых скандальных событий времени правления Анны Иоанновны. Задуманная как своеобразное этнографическое празднество, она была призвана продемонстрировать могущество Российской империи и процветание разноплеменных «языков». Равноправными участниками «потешного» костюмированного шествия были калмыки, внешние атрибуты которых (лук, стрелы, «божки», верблюды, национальная одежда) обыграны в произведении.

Но главный акцент сделан на героях «ледяной» свадьбы: шуте Кульковском (прототип – князь Голицын) и шутихе Акулине Саввишне Подачкиной (прототип – калмычка Буженинова). В формате исторического комментария к роману мы выявляем факты несовпадения художественного образа с его прототипом. Писатель следовал своим представлениям о художественном историзме, дав объективную оценку деспотизму императрицы и приближенным, участникам безумной затеи.

Традиция изображения шутовской свадьбы была продолжена в романе «Слово и дело» (1974) В.С. Пикуля. При текстуальном сопоставлении этого

произведения с предшествующим ярко проявляются как общие места исторического нарратива, так и отличия, объяснимые творческой индивидуальностью авторов. Однако идейно-тематическая направленность не только сохранена, но и усилена: деспотизм обнажен в своей бесчеловечности независимо от привязки к единичному историческому событию.

Полное переосмысление образа Авдотьи Бужениновой мы встречаем у Ю.М. Нагибина в повести «Квасник и Буженинова» (второе название «Шуты императрицы», 1994). Став по случайному стечению обстоятельств «дуркой», героиня не утрачивает высоких качеств души и предстает смелой, мудрой и бесконечно любящей женщиной. Нагибин создал пленительный женский характер, во многом противостоящий интерпретации его предшественников.

Тема шутовства нашла отражение в русской исторической живописи. Художником В.И. Якоби были написаны полотна «Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны» (1872) и «Ледяной дом» (1878). В диссертации предлагается «прочтение» картин и доказывається возможность их истолкования как экфрасисов, что иллюстрирует соотносимость процессов вербализации и визуализации в искусстве.

В третьей главе «Этнопоэтика повести Е.А. Ган “Утбалла”» содержится анализ произведения, сыгравшего наиболее значительную роль в процессе репрезентации «калмыцкого» текста в российской словесности 1830-х годов.

В параграфе 3.1. «Этнофольклорный романтизм: принципы художественного нарратива» речь идет о фольклорной составляющей текста, рассмотренной сквозь призму романтического метода.

Сюжет произведения мелодраматичен: Утбалла, девушка-полукровка (мать – калмыцкая «дворянка», отец – русский старовер-откупщик), отстаивая свое право на личное счастье, погибает. Помимо любовной коллизии, сюжетогенным является мотив плена: сначала жизнь затворницы в доме отца, затем в калмыцком улусе. «Эта степь – тюрьма ее», – пишет

автор¹⁰, переосмысливая традиционный концепт в соответствии со своей художественной задачей.

В работе анализируется «цветочное» имя героини, связанное, с одной стороны, с типичной для пушкинской эпохи флористической символикой («язык цветов»), с другой – с калмыцкой легендой о цветке «ночная красавица» (мирабилис). Включение в текст данной легенды, как и предания о калмыцкой княгине, свидетельствует о хорошем знакомстве Е.А. Ган с калмыцкими произведениями устной сказочной прозы.

В параграфе 3.2. «Этнографическая детализация в описании инонационального мира» проводится систематизация и анализ художественных деталей, воспроизводящих быт калмыцкого улуса. Превратности кочевого быта показаны через так называемый мусорный ландшафт: «грязная и дымная войлочная кибитка», пища, вызывающая отвращение, нищета, т. е. мир «варварства и невежества!»¹¹

Однако в целом авторский взгляд на действительность достаточно многосторонен. С опорой на документальные источники мы отмечаем скрупулезность и точность художественной дескрипции, способствующие созданию достоверной этнографической картины.

Особый акцент сделан на трагическом финале: Утбаллу, обвиненную в супружеской неверности, оставляют обнаженной в степи на палящем солнце, обрекая тем самым на мучительную гибель. Мы считаем, что такой способ расправы вызван не столько народной традицией, сколько неординарностью ситуации, что подтверждается отсылкой к очерку М. Горького «Вывод», который мы привлекаем в качестве сравнительно-сопоставительного материала.

Таким образом, придерживаясь принципа максимальной адекватности, автор на примере жизни одного калмыцкого улуса показывает

¹⁰ Ган Е.А. Утбалла // Ган Е.А. Утбалла; Корженевская И.В. Девочка Царцаха. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – С. 55.

¹¹ Ган Е.А. Там же. – С. 29.

межличностные отношения, что позволяет рассматривать этнографический компонент произведения в общероссийском художественном контексте.

В параграфе 3.3. «Повесть “Утбалла” в “светском” нарратологическом контексте: пушкинские традиции» представлен анализ произведения Е.А. Ган с учетом опыта А.С. Пушкина в осмыслении темы «большого света» (конец 1820-х – 1830-е годы).

Важно подчеркнуть, что далеко не всегда Пушкин придерживался негативизма в характеристике светского общества. Не случайно Татьяна Ларина, «милый идеал» поэта, ставшая княгиней N, является человеком *комильфо*, чей нравственно-поведенческий кодекс зиждется в принципах самоуважения и духовного аристократизма. Отмечая, вслед за исследователями, пушкинские нюансы в употреблении лексемы «степь» и производных от нее, мы, тем не менее, считаем целесообразным возможность сближения пушкинского образа не только с самодостаточными героинями повестей «Идеал» и «Суд света», но и с Утбаллой. Девушка-полукровка, сочетавшая «энергию монгольской крови» с душевными порывами «нежной Европейки», «смесь первобытной природы женской с образованностью девятнадцатого века»¹², подобно Татьяне, остается верна себе, соединяя смирение со свободным волеизъявлением. Кроме того, развивая мысль Б.А. Кичиковой о соотносительности с Татьяной лирической героини послания «Калмычке»¹³, мы также обращаем внимание на возможность осмысления онима в ракурсе восточной (тюркской) традиции.

Мы приходим к выводу: есть все основания видеть в повести «Утбалла» пример так называемого женского письма (*women's writing*) и блестящий образец включения инонациональной картины в рамки русского мира.

¹² Ган Е.А. Утбалла. – С. 17.

¹³ См., напр.: Кичикова Б.А. Послание А.С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 2. – С. 166–173.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования, делаются выводы в соответствии с поставленными целью и задачами, намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Обращенность нашей работы к проблеме русско-калмыцких литературно-художественных связей обусловлена непреходящей актуальностью подхода к российской культуре как полиэтнической, проявляющей свою самобытность в формате творческого конструктивного диалога. Реализованный в диссертации подход к феномену «калмыцкого» текста в контексте отечественной словесности второй половины XVIII – первой трети XIX века ориентирован на последовательное освоение документально-информативного материала, что привело к созданию полноценного художественного нарратива.

В процессе работы над темой диссертационного исследования обозначились **перспективы** для разработки заявленной проблематики. Безусловно, необходимы дальнейшая активизация поиска новых подходов к сфере компаративистики, расширение круга изучаемых явлений, углубление проблем исторической поэтики и этнопоэтики. В связи с возросшим значением методики пространственного (спатального) анализа все большую популярность приобретают понятия геоэстетики и геопоэтики. Они также предполагают внесение уточнений применительно к инонациональному хронотопу. Таким образом, поле для последующих исследований остается достаточно широким как в теоретическом, так и историко-литературном плане.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

*Статьи, включенные в перечень научных журналов и изданий,
рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:*

1. Вяткина (Орлова), Е.А. Этнопоэтика повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Вестник института гуманитарных исследований РАН. – Элиста, 2013. – № 1. – С. 73-76 (0,5 п. л.).

2. Орлова, Е.А. Инонациональный (калмыцкий) компонент в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» / Е.А. Орлова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста, 2016. – № 2 (24). – С. 125-133 (1,1 п. л.).

3. Орлова, Е.А. Пушкинский «ключ» к калмыцкому тексту Е.А. Ган: повесть «Утбалла» в контексте «светской» нарратологии / Е.А. Орлова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 7 (160). – С. 157-163 (0,9 п. л.).

4. Орлова, Е.А. Беллетризация «калмыцкого» этнографического дискурса в русской словесности второй половины XVIII – первых десятилетий XIX века / Е.А. Орлова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5 (168). – С. 182-190 (1,1 п. л.).

Статьи, опубликованные в других научных журналах и сборниках:

5. Вяткина (Орлова), Е.А. Этнографический компонент в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Научное наследие профессора А.Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры (Кичиковские чтения): региональная научная конференция, 21 декабря 2011 г. – Элиста, 2012. – С. 35-36 (0,2 п. л.).

6. Вяткина (Орлова), Е.А. Калмыцкий фольклор в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 7–9 октября 2011 г. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. – С. 161-167 (0,8 п. л.).

7. Вяткина (Орлова), Е.А. Калмыцкое предание о любви в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин: материалы Всерос. науч. конф. – Элиста, 2012. – С. 87-89 (0,3 п. л.).

8. Вяткина (Орлова), Е.А. «Этнографический романтизм» в повести Е. Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Литература в движении эпох: межвуз. сб. науч. тр. – Элиста, 2012. – С. 26-36 (0,6 п. л.).
9. Вяткина (Орлова), Е.А. Трансформация калмыцких преданий в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 мая 2012 г. / под общ. ред. А.А. Фокина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – С. 264-269 (0,6 п. л.).
10. Вяткина (Орлова), Е.А. Калмыцкое предание в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина (Орлова) // Проблемы межлитературного взаимодействия: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. интернет-конф. «Проблемы межлитературного взаимодействия», 19–24 марта 2012 г. – Якутск, 2012. – С. 90-95 (0,3 п. л.).
11. Вяткина (Орлова), Е.А. О шутихе-калмычке в «Ледяном доме» Ивана Лажечникова / Е.А. Вяткина (Орлова) // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в международной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: материалы VI Междунар. науч.-метод. конф., 11–12 апреля 2013 г. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. – С. 16-19 (0,3 п. л.).
12. Вяткина (Орлова), Е.А. Шуты в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» и на картинах В.И. Якоби: текст и экфрасис / Е.А. Вяткина (Орлова) // Филология, журналистика и межкультурная коммуникация в диалоге цивилизаций: материалы I ежегодной науч.-практ. конф. Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону» / под ред. С.В. Гусаренко. – Ставрополь: ТЭСЭРА, 2013. – Ч. 2. – С. 340-345 (0,3 п. л.).
13. Вяткина (Орлова), Е.А. «Ледяная» свадьба в романах И. Лажечникова «Ледяной дом» и В. Пикуля «Слово и дело»: традиция и инновации / Е.А. Вяткина (Орлова) // Диалог культур: национальное и инонациональное в литературе: материалы Всерос. с междунар. участием

очно-заочной науч.-практ. конф., 15 апреля 2013 г. / отв. ред. Р.М. Ханинова. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. – С. 72-75 (0,5 п. л.).

14. Вяткина (Орлова), Е.А. Шутиха-калмычка Авдотья Буженинова и ее ледяная свадьба в прозе И. Лажечникова, В. Пикуля и Ю. Нагибина / Е.А. Вяткина (Орлова), Д.А. Иванова // Теегин Герл. – 2013. – № 4. – С. 102-116 (авт. – 0,5 п. л.).

15. Орлова, Е.А. Образ романтической героини в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Орлова, С.В. Бадмаева, В.С. Халгаева // Общество и наука: векторы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 18 дек. 2020 г.). – Чебоксары: Интерактив плюс, 2020. – С. 117-120 (авт. – 0,2 п. л.).

16. Орлова, Е.А. Этнографические мотивы в повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Орлова, И.В. Родина // Виноградовские чтения: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 21 мая 2021 г.) / отв. ред. Н.М. Миркурбанов; Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы, Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан, Узбекский гос. ун-т мировых языков, Нац. ун-т Узбекистана имени Мирзо Улугбека. – Ташкент; Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – С. 227-231 (авт. – 0,2 п. л.).

17. Орлова, Е.А. Художественное геопространство «калмыцкого» текста / Е.А. Орлова // Высокие технологии и инновации в науке: сб. избр. ст. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 27 сентября 2021 г.). – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. – С. 47-52 (0,4 п. л.).

18. Орлова, Е.А. Этнокультурный потенциал «калмыцкого» текста в пространстве русской словесности / Е.А. Орлова // РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ: эстетика и художественные искания русской литературы XIX – начала XXI вв.: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. А.А. Дырдин. – Ульяновск: УлГТУ, 2021. – Вып. VIII. – С. 204-217 (0,9 п. л.).

19. Орлова, Е.А. Имагологический аспект изучения русско-калмыцких литературных связей / Е.А. Орлова // Вестник Волгоградского

государственного университета. Сер.: Литературоведение. – 2021. – № 1 (20). – С. 34-42 (0,5 п. л.).

20. Орлова, Е.А. Экзотика и реальность: осмысление калмыцкого топоса в русской литературе [Электронный ресурс] / Е.А. Орлова // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журнал. – 2022. – № 1 (78). – С. 43-49. – Режим доступа: www.grani.vspu.ru (0,8 п. л.).

21. Орлова, Е.А. Этнограф-сатирик: «двойковыпуклая линза» Н.И. Страхова / Е.А. Орлова // Научные известия. – Нальчик, 2022. – № 27. – С. 53-56 (0,5 п. л.).

Учебные пособия:

22. Ханинова, Р.М. Рецепция и репрезентация калмыцкой культуры в русской литературе XIX – XX веков: учебное пособие / Р.М. Ханинова, Е.А. Вяткина (Орлова), Д.А. Иванова; Мин-во образования и науки РФ, ФРБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет». – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. – 220 с. (авт. – 2,2 п. л.)

23. Ханинова, Р.М. Инонациональный диалог в русской прозе XIX – XX веков: калмыцкий компонент [Электронное учебное пособие] / Р.М. Ханинова, Е.А. Вяткина (Орлова), Д.А. Иванова. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. – 195 с. (авт. – 2,5 п. л.)